

Горький Максим

Крымские эскизы

I. Уми

...По утрам, просыпаясь, я отворяю окно моей комнаты и слушаю — с горы, сквозь пышную зелень сада, ко мне несётся задумчивая песня. Как бы рано ни проснулся я, она уже звучит в утреннем воздухе, напоённом сладким запахом цветущих персиков и инжира.

Свежий ветер веет с могучей вершины Ай-Петри, густая листва деревьев над моим окном тихо колышется, шелест её придаёт звукам песни много красоты, ласкающей душу. Сама по себе мелодия не красива и однообразна — она вся построена на диссонансах; там, где ожидаешь, что она замрёт, — она возвышается до тоскливо-страстного крика, и так же неожиданно этот дикий крик переходит в нежную жалобу. Поёт её дрожащий, старческий голос, поёт целые дни с утра и до вечера, и в какой бы час дня ни прислушался — всегда с горы, как ручей, льётся эта бесконечная песня.

Жители деревни говорили мне, что вот уже седьмой год они слушают это задумчивое пение. Я спросил их:

— Кто же это поёт? — и мне рассказали, что это сумасшедшая старуха, Уми, у которой шесть лет тому назад муж и двое детей поехали в море ловить рыбу и всё ещё не вернулись.

С той поры Уми сидит на пороге своей сакли и смотрит в море и поёт, дожидаясь своих родных. Однажды я пошёл посмотреть на неё. По извилистой тропинке, мимо вросших в гору саклей, через сады и виноградники я поднялся высоко на гору и там увидел полуразрушенную, скрытую в камнях и яркой зелени саклю старухи Уми. Платан, фи́га и персики росли среди громадных камней, скатившихся с вершин Яйлы, журчал ручей, образуя на пути своём ряд маленьких водопадов, на крыше сакли росла трава, по стенам её вилось какое-то ползучее растение, и дверь её смотрела в море.

На камне у двери сидела Уми — высокая, стройная, седая, с лицом, исчерченным мелкими морщинами и коричневым от загара. Камни, нагромождённые друг на друга, сакля, полуразрушенная временем, серая вершина Ай-Петри в жарком синем небе и море, холодно блестящее на солнце, там внизу, — всё это создавало вокруг старухи обстановку суровую и

проникнутую важным спокойствием. Под ногами Уми, по горе, рассыпалась деревня, и сквозь зелень садов её разноцветные крыши напоминали о рассыпанном ящике красок. Снизу доносился звон лошадиных сбруй, шорох моря о берег и иногда — голоса людей, столпившихся на базаре около кофеен. Здесь наверху было тихо, только ручей журчал, да песня Уми аккомпанировала ему, бесконечная, задумчивая песня, начатая шесть лет тому назад.

Уми пела и улыбалась навстречу мне. Её лицо от улыбки ещё более сморщилось. Глаза у неё были молодые, ясные, в них горел сосредоточенный огонь ожидания, и, окинув меня ласковым взглядом, они снова остановились на пустынной равнине моря.

Я подошёл и сел рядом с ней, слушая её песню. Песня была такая странная — в ней звучала уверенность и сменялась тоской, — в ней слышались ноты нетерпения и усталости, она обрывалась, замирала и снова возрождалась, полная радостной надежды...

Но что бы ни выражала собой эта песня — лицо старухи Уми выражало лишь одно чувство — ожидание, в котором не было сомнения, уверенное ожидание, спокойное и радостное.

Я спросил её:

— Как зовут твоего мужа?..

Она ответила, ясно улыбаясь:

— Абдраим... Сын первый — Ахтем, и ещё Юнус... Скоро придут. Они там едут. Скоро увижу лодку. И ты увидишь!

Она так сказала это «и ты увидишь», точно была уверена, что и для меня увидеть их будет великим счастьем, великое наслаждение принесёт мне с собой лодка её мужа, когда она покажется на горизонте, где небо отделялось от моря тонкой тёмно-синей чертой и куда она указывала мне своим коричневым пальцем мумии, высохшей на солнце юга, беспощадно жарком.

Потом она снова запела свою песнь ожидания и надежды. Я слушал, смотрел на неё и думал: «Хорошо так надеяться! Хорошо жить с сердцем, полным ожидания великой радости в будущем!»

А Уми всё пела, тихонько раскачиваясь корпусом и не отрывая глаз от пустынного моря, ослепительно блестящего на солнце.

Её сознание, всё поглощённое одной идеей, не воспринимало ничего больше, и я, сидевший с нею рядом, — не существовал для неё. И, полный уважения к её сосредоточенности, чувствуя, что я готов завидовать её жизни, полной одной только надежды, — я молчал, не мешая ей забывать обо мне. Море в этот день было спокойно, оно, как зеркало, отражало блеск неба и мне не обещало ничего. Я долго просидел рядом с Уми и ушёл не